

❧ Чингисхан • Хроники завоевателя • ❧

ВОЛК РАВНИН

ПОВЕЛИТЕЛИ СТРЕЛ

КОСТИ ХОЛМОВ

ИМПЕРИЯ СЕРЕБРА

ЗАВОЕВАТЕЛЬ

К О Н Н
ИГГУЛЬДЕН

Завоеватель

Санкт-Петербург

ОСНОВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мунке, Хубилай, Хулагу, Ариг-Буга — четыре сына Толуя, внуки Чингисхана.

Гуюк — сын Угэдэй-хана и Дорегене.

Бату (Батый) — сын Джучи, внук Чингисхана, поработитель русских княжеств.

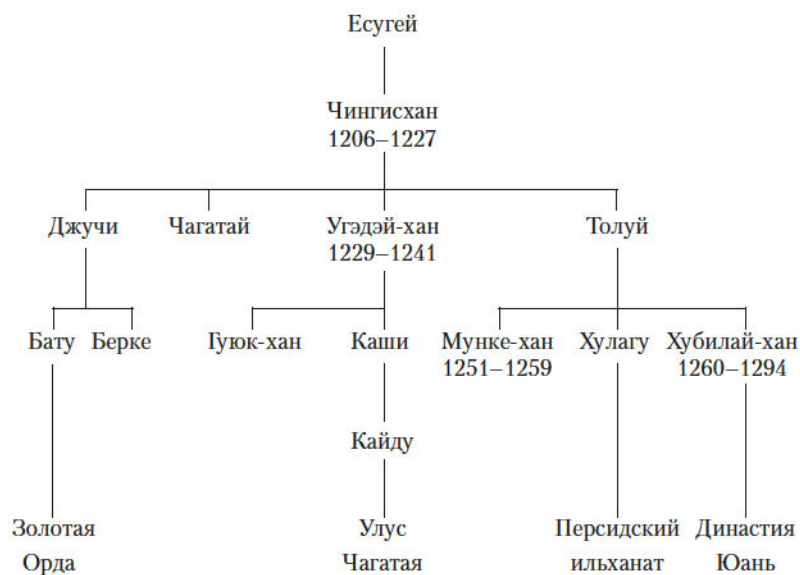
Субудай Багатур — великий полководец времен Чингисхана и Угэдэй-хана.

Дорегене — мать Гуюка, после смерти Угэдэя стала регентом.

Сорхатани — мать четверых внуков Чингисхана: Мунке, Хубилая, Хулагу и Ариг-Буги. Жена Толуя, младшего сына Чингисхана, отдавшего жизнь за спасение Угэдэй-хана.

Байдар — сын Чагатая, отец Алгу, властитель Чагатайского улуса, расположенного вокруг Самарканда и Бухары.

ДИНАСТИЯ ЧИНГИСХАНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1244 год

ГЛАВА 1

Над Каракорумом бушевала гроза. Дождь так и хлестал в ночном мраке, по улицам неслись бурные потоки. За мощными городскими стенами жались друг к другу овцы в своих загонах. Жир на их шерсти защищал от влаги, но овец не выводили на пастбище, вот они и блеяли от голода, жалуясь друг другу. Временами то одна, то другая становилась на задние ноги и пугала остальных — получалась куча-мала со множеством безумных глаз и бьющих копыт, которая вскоре снова растекалась бурлящей массой.

Ханский дворец освещали лампы, потрескивающие и плюющиеся маслом на стены и ворота. За стенами дворца раскаты грома казались гулом; он звучал то громче, то тише, пока дождь заливал внутренние дворы. Слуги завороченно взирали на утопающие в воде сады и дворы. Позабыв свои обязанности из-за грозы, они стояли небольшими группами, от которых пахло мокрой шерстью и шелком.

Гуюку шум ливня досаждал, как погруженному в раздумья человеку досаждают поющие себе под нос. Он аккуратно налил вина своему гостю и отодвинулся подальше от окна, каменный подоконник которого уже потемнел от влаги. Пришедший по его приглашению нервно оглядывал зал для приемов. Размер его, по мнению Гуюка, должен был подавить любого, кто привык к тесным юртам. Ханский сын вспомнил, как сам впервые заночевал в этом тихом дворце, как боялся, что камни и плиты

обрушатся и раздавят его. Сейчас те страхи вызывали у него усмешку, а вот его гость то и дело поглядывал на потолок. Гуюк улыбнулся. Его отец Угэдэй построил Каракорум, воплотив великие мечты великого человека.

Когда ханский сын отставил каменный кувшин с вином и вернулся к гостю, его губы вытянулись в тонкую полоску. Ради титула, принадлежавшего ему по праву, отцу не приходилось ни угождать правителям, ни давать взятки, ни умолять, ни угрожать.

— Угощайся, Очир, — проговорил Гуюк, протягивая чашу двоюродному брату. — Вкус мягкий, как у арака.

Он старался быть учтивым с едва знакомым ему человеком. Впрочем, Очир — один из сотни ханских внуков и правнуков, в поддержке которых нуждался Гуюк. Хачиун, отец Очира, был большим военачальником, его память чтили и по сей день.

Из вежливости Очир осушил чашу без колебания — сделал два больших глотка и рыгнул.

— Как вода, — объявил он, но снова протянул чашу.

Улыбка Гуюка теперь больше походила на оскал. Один из его помощников молча поднялся, принес кувшин и наполнил обе чаши. Ханский сын опустился на длинное мягкое сиденье напротив Очира, стараясь расслабиться и быть любезным.

— Тебе наверняка известно, зачем я сегодня тебя пригласил, — проговорил он. — Ты человек влиятельный, из славного рода. Я был на похоронах твоего отца в горах.

Очир подался вперед, стараясь не упустить ни слова.

— Жаль, что он не видел тех земель, которые повидал ты, — сказал он. — Я... едва его знал. У отца было много сыновей. Но он хотел идти в Большой поход на запад вместе с Субудаем. Его смерть — огромная утрата.

— Да-да, конечно! Твой отец был человеком чести, — легко согласился Гуюк. Он рассчитывал сделать Очира соратником, значит, немного лести не повредит. Наследник глубоко вдохнул. — Ради твоего отца я и позвал тебя сюда. Очир, семьи той ветви тебе подчиняются?

Очир глянул в окно: дождь стучал по подоконнику так, словно не собирался останавливаться. Гость Гуюка был в руба-

хе и узких штанах. Сверху — простой халат дээл, на сношенных сапогах никакой отделки. Даже шапка решительно не соответствовала роскоши дворца: грязная, вся в жирных пятнах, в пору носить пастуху.

Очир осторожно поставил чашу на каменный пол. Мужественным лицом он напоминал хозяину дворца покойного Хачиуна.

— Я знаю, чего ты хочешь, Гуюк. Я сказал это посланникам твоей матери, когда они приезжали ко мне с дарами. О своем решении я объявлю на курултае вместе с остальными, и не раньше. Опрометчивых обещаний у меня не вырвут. Я говорил об этом, и не раз.

— Ты не присягнешь на верность родному сыну Угэдэя? — осведомился Гуюк. Его голос угрожающе зазвенел, щеки зарделись от вина, и Очир, заметив тревожные знаки, не стал спешить с ответом. Люди Гуюка напряглись, словно псы перед дракой.

— Я этого не говорил, — с осторожностью ответил гость. В зале для собраний ему становилось все неудобнее, и он решил поскорее отсюда выбраться. Гуюк промолчал, и Очир поспешил заполнить паузу: — Твоя мать — хороший регент. Она не позволила державе распасться, наша сплоченность — ее заслуга, с этим не поспоришь.

— Народом Чингиса женщине править негоже, — категорично заявил Гуюк.

— Возможно, однако твоя мать правит, и правит хорошо. Горы до сих пор не рухнули. — Очир улыбнулся собственным словам. — Согласен, рано или поздно нам нужен будет хан, но такой, которому доверяют все. До борьбы за власть, какую вели твой отец и его брат, дойти не должно. Войну между тайджи нашему народу пока не выдержать. Когда появится явный лидер, я отдам ему свой голос.

Гуюк едва сдержался, чтобы не вскочить. Его поучают, словно он *ничего* не понимает, словно не прождал впустую целых два года!

Очир понаблюдал за ним, нахмурился и еще раз украдкой оглядел зал. Четыре человека. Сам он без оружия: все забрали

после тщательного обыска у наружной двери. Очиру стало не по себе: уж слишком внимательно наблюдают за ним помощники Гююка. Да они смотрят на него, как тигры на привязанного козленка!

Гююк медленно встал, подошел к кувшину с вином и поднял: надо же, какой тяжелый...

— Это город моего отца и дом моего отца. Я — первенец Угэдэя, внук великого Чингисхана, а ты, Очир, не желаешь клясться мне в верности, словно мы тут из-за хорошей кобылы торгуемся...

Он хотел налить, но его гость прикрыл чашу ладонью и покачал головой. Очир заметно нервничал из-за того, что Гююк навис над ним, но произнес твердо, не позволяя себя запугивать:

— Мой отец поклялся в верности твоему отцу, Гююк. Но ведь есть и другие. Байдар на западе...

— Правит своими землями и ни на что не претендует, — перебил Гююк.

— Будь твое имя в завещании, многие проблемы решились бы, — после небольшой паузы продолжил Очир. — Половина тайджи уже поклялась бы тебе в верности.

— Это старое завещание, — отозвался Гююк. Его голос зазвучал глуше, зрачки расширились, словно он смотрел в темноту; дыхание сбилось.

— Еще есть Бату, — явно волнуясь, добавил Очир. — Он старший из братьев; еще Мунке, первенец Толуя. Претендентов немало, Гююк. Зря ты ждешь...

Сын хана поднял каменный кувшин, от напряжения у него даже костяшки побелели. Во взгляде Очира читался испуг.

— Я жду верности! — заорал Гююк и с силой ударил кувшином Очира по лицу.

У того голова дернулась в сторону. На лбу заалела ссадина, потекла кровь; защищаясь, раненый поднял ладонь. Гююк с ногами залез на низкое сиденье, оседлал своего гостя и снова ударил его кувшином. На сей раз каменный сосуд треснул, а Очир позвал на помощь.

— Гююк! — в ужасе крикнул один из присутствующих в зале.

Все вскочили на ноги, но вмешиваться не решались. Тем временем на мягком сиденье завязалась драка. Очир вцепился Гуюку в шею. Только разве скользкими от крови пальцами ухватишь как следует? Снова и снова кувшин обрушивался Очирю на голову — и вдруг раскололся. В руках у Гуюка осталась овальная ручка с острыми зазубринами. Задыхаясь от возбуждения, свободной рукой он вытер кровь со щеки.

Лицо Очира превратилось в кровавое месиво, уцелел только один глаз. Он попытался снова дотянуться до горла двоюродного брата, но безуспешно. Гуюк отбил его легко, со смехом.

— Я сын хана, — напомнил он. — Скажи, что поддержишь меня. Громко скажи!

Говорить Очир не мог. Он давился собственной кровью, его тело сотрясали судороги. Лишь бульканье слетело с разбитых губ.

— Не скажешь? Даже это не скажешь? Тогда всё, Очир, ты мне больше не нужен.

На глазах у потрясенных помощников Гуюк ударил несчастного зазубренной рукоятью. Бульканье стихло. Ханский сын встал и уронил рукоять на каменные осколки. Осмотрел себя с отвращением, внезапно осознав, что весь в крови: в волосах брызги, на дээле большое пятно.

Взгляд Гуюка вновь стал осмысленным. Он увидел разинутые рты своих помощников. Трое стояли истуканами, и лишь один был задумчив, словно стал свидетелем простого спора, а не убийства. Именно он и привлек внимание Гуюка. Гансух, высокий молодой воин, считался самым метким лучником в свите ханского сына. Гансух заговорил первым, и его голос был абсолютно спокойным:

— Господин, Очира хватайся. Позволь унести отсюда тело, пока еще темно. Если бросить его в проулке, семья Очира решит, что на него напал грабитель.

— Пусть его вообще не найдут, — отозвался Гуюк и стер кровавые пятна с лица. Злость и раздражение исчезли без следа, сменившись миротворением.

— Как пожелаешь, господин. В южной части города роют новые ямы для сточных вод..

Гуюк жестом велел ему замолчать.

— Мне незачем об этом знать. Избавься от тела, Гансух, и я в долгу не останусь. — Посмотрел на остальных. — Ну так что, справится Гансух в одиночку? Кто-то из вас должен отослать моих слуг. Если спросят, скажете, что Очир уехал раньше. — Гуюк улыбнулся, забыв о чужой крови на лице. — Еще скажете, что на курултае он обещал поддержать меня, что принес клятву. Раз этот дурак не помог мне живым, пусть хоть мертвым поможет.

Свита зашевелилась, и Гуюк зашагал прочь от них к купальне, в которую мог попасть, не пересекая основной коридор. Без помощи слуг он не мылся уже больше года, но кожа зудела, нестерпимо хотелось смыть чужую кровь. Недавних тревог как не бывало — Гуюк словно на крыльях летел в купальню. Вода не нагретая, но он с детства купался в ледяных реках. Студеная вода стягивала кожу и бодрила, напоминая, что он жив.

Гуюк стоял нагим в цзиньской чугунной ванне с драконами, извивающимися по краю. Он опрокинул на себя деревянное ведро с водой, поэтому не слышал, как отворилась дверь. От сквозняка перехватило дыхание: Гуюк содрогнулся, пенис его сморщился. Он открыл глаза и подскочил: в купальне стояла мать. Гуюк покосился на кучу грязной одежды: она уже намочила, и по деревянному полу потекли красноватые ручьи.

Гуюк аккуратно опустил ведро. Дорегене была женщина крупная. Казалось, маленькую купальню она занимает целиком.

— Если ты желаешь меня видеть, я быстро домоюсь и оденусь, — обратился он к матери.

Взгляд Дорегене упал на кровавые потеки на полу, Гуюк заметил это и потупился. Затем взял ведро и наполнил его красноватой водой из ванны. У дворца собственная канализация. Цзиньские умельцы сделали ее из керамических труб. Стоит вытащить пробку, и уличающая Гуюка вода незаметно смешается с экскрементами и кухонными помоями. Около Каракорума есть канал; в него, по мнению ханского сына, и выходила

труба. Ну или в яму какую-нибудь... Подробности Гуюк не знал и знать не хотел.

— Что ты *сделал*? — воскликнула Дорегене. Мертвенно-бледная, она нагнулась и подняла грязную, мятую рубашку сына.

— То, что должен был, — ответил Гуюк; он замерз и совершенно не желал отвечать на вопросы. — Тебя это не касается. Грязную одежду сожгут. — Поднял ведро, но потом решил: хватит с него материнского внимания. Ополоснулся и вышел из ванны. — Я велел приготовить мне чистую одежду. Она уже должна лежать в зале для собраний. Если ты не намерена весь день стоять здесь и глазеть на меня, может, принесешь?

Дорегене не шевельнулась.

— Ты мой сын, Гуюк. Я старалась защитить тебя, окружить союзниками. Сегодня ночью львиная доля моих усилий пошла насмарку, верно? Думаешь, я не знаю, что сюда приглашали Очира? И что никто не видел, как он выходит из дворца? Неужели ты так глуп, Гуюк?

— Так ты за мной следила, — проговорил Гуюк. Ему хотелось казаться уверенным и равнодушным, но он дрожал все сильнее.

— Меня касается все происходящее в Каракоруме. Я должна знать о каждом соглашении, каждом споре, каждой ошибке вроде той, что ты сегодня совершил.

Гуюк бросил притворяться: надменное неодобрение матери раздражало неизменно.

— Очир ни за что не поддержал бы меня. Он для нас небольшая потеря, а его исчезновение может со временем и пользу принести.

— Ты вправду так думаешь? — осведомилась Дорегене. — Считаешь, что помог мне? Неужели я вырастила глупца? Его семья и друзья непременно узнают, что Очир пришел к тебе безоружным и исчез.

— Тело не найдут, и они подумают...

— Подумают — и догадаются, Гуюк! Что тебе нельзя доверять. Что даже твоим соплеменникам статус гостя не гарантирует безопасность. Что ты дикарь, способный убить человека, который пил чай *в твоём доме*.

Разгневанная Дорегене вышла из купальни. Гуюк едва успел обдумать слова матери, а она уже вернулась, сунула ему сухие вещи и продолжила:

— Два с лишним года я ежедневно обхаживала твоих вероятных союзников. Тех, для кого важно, что ты старший сын хана, поэтому и должен править народом. Гуюк, я подкупала их землей, лошадьми, рабами и золотом. Я грозила раскрыть их секреты, если на курултае не получу их голоса. Старалась я из уважения к твоему отцу и его деяниям. Народом должны править его потомки, а не дети Сорхатани, Бату или другие тайджи.

Гуюк быстро оделся, кое-как запахнул дээл поверх рубахи и завязал пояс.

— Ждешь благодарности? — спросил он. — Твои планы и интриги ханом меня еще не сделали. А даже если бы сделали, я вряд ли получил бы возможность править самостоятельно... Думаешь, я согласен ждать вечно?

— Я не предполагала, что ты убьешь достойного человека в доме своего отца. Сегодня ты не помог мне, сын мой, а ведь я почти у цели. Не знаю, какой вред ты уже причинил, но если убийство откроется...

— Не откроется.

— Если оно *откроется*, это сыграет на руку другим претендентам. Они скажут, что у тебя не больше прав жить в этом городе и в этом дворце, чем у Бату.

Гуюк со злостью сжал кулаки.

— Бату, везде Бату! Каждый день слышу это имя... Жаль, его сегодня здесь не было. Я бы убрал этот камень со своей дороги.

— К тебе, Гуюк, Бату безоружным не пришел бы. То, что ты сделал или сказал ему по пути домой, сильно мешает мне передать тебе наследство.

— Ничего я не сделал, и наследство это не мое! — рявкнул Гуюк. — Сколько проблем решилось бы, упомяни меня отец в завещании... Отсюда все наши беды! Отец заставил меня драться за власть с другими. Мы, как свора голодных псов, за кусок мяса рвем друг другу глотки. Не стань ты регентом, жить бы мне в юрте и с завистью взирать на город своего отца. Ты

еще чтить его память. Я же — старший сын хана, а должен хитростью добиваться того, что принадлежит мне по праву... Будь отец наполовину таким, каким ты его считаешь, он позаботился бы об этом при жизни. Ему хватило бы времени подумать о моем будущем...

Дорегене прочла боль в глазах сына и смягчилась, даже гнев отступил. Она сжала его в объятиях, желая облегчить страдания.

— Отец любил тебя, сын мой, но был одержим своим городом. Смерть давно ходила за ним по пятам. Борьба с ней отняла у него последние силы. Ему наверняка хотелось сделать для тебя больше.

Гуюк прижался щекой к материнскому плечу, отгоняя неприятные мысли. В матери он по-прежнему нуждался. За годы регентства она снискала уважение народа.

— Напрасно я сегодня не сдержался, — пробормотал он, выдавил из себя судорожный вздох, похожий на вскрик, и Дорегене обняла его еще крепче. — Наверное, я слишком сильно хочу стать ханом. Каждый день ловлю на себе их взгляды. Они гадают, когда мы соберем курултай, и улыбаются, предвкушая мое поражение.

Дорегене погладила его влажные волосы.

— Ш-ш-ш! Ты не такой, как они, — проговорила она. — Обычным человеком ты никогда не будешь. Вслед за своим отцом мечтаешь о великом... Я знаю это. Я поклялась сделать тебя ханом, и это произойдет скорее, чем тебе кажется. Мунке, сын Сорхатани, уже за тебя. Не напрасно ты связал его клятвой прямо на поле боя. Его братья мать не слушаются. Они — наши основные союзники. На западе Байдар принял моих посланников. Уверена, рано или поздно он тебя поддержит. Теперь понимаешь, как близка цель? Пусть Байдар и Бату назовут настоящую цену, тогда мы и созовем всех на курултай.

Дорегене почувствовала, как напрягся ее сын, заслышав ненавистное имя.

— Спокойно, Гуюк! Бату — лишь человек, своего улуса он не покидал. Со временем те, кто стоит за ним, поймут, что Бату нравится править северными землями, а на Каракорум он не

притязает. Тогда они придут к тебе и попросят вести их. Это, сын мой, я тебе обещаю. Если буду жива, ханом станешь ты, и никто другой.

Гуюк отстранился и сверху вниз взглянул на мать. Та заметила, что глаза у него красные.

— Мама, когда это случится? Вечно я ждать не могу.

— Я снова отправила посланников в лагерь Бату. Пообещала, что ты признаешь имущественные и территориальные права и за ним, и за его потомками — пожизненно.

Гуюк зло ощерился.

— Ничего я не признаю! Мало ли что написано в отцовском завещании! Я должен позволить такому, как Бату, беспрепятственно бродить по моей земле? Есть вдоволь и спокойно разъезжать на белой кобыле? Пусть его ордынцы жиреют и плодятся, пока я веду войны без их помощи? Нет, мама, пусть либо признают мою власть, либо я позабочусь, чтобы их уничтожили.

Дорегене дала сыну пощечину. Удар получился сильный, так что голова дернулась в сторону. На щеке появилось красное пятно. Гуюк оцепенело посмотрел на мать.

— Поэтому я велела тебе не обхаживать тайджи самостоятельно, а довериться мне. Прислушайся, Гуюк, внимай рассудком и сердцем, а не только ушами. Вот станешь ханом — получишь и власть, и войско. В тот день твое слово превратится в закон, а обещания, которые я дала от твоего имени, — в пыль, если ты решишь их не исполнять. Теперь ты понимаешь? — Мать и сын были наедине, но шипящий голос Дорегене зазвучал еще тише, чтобы не подслушали. — Да я бы посулила Бату бессмертие, если бы знала, что за ним он явится на курултай. Вот уже два года он шлет в Каракорум отговорки. Отказать мне лично не смеет, зато потчует сказками о том, что ранен или занемог и в путь отправиться не в силах. А сам глаз с Белого города не спускает. Он умен, Гуюк, не забывай об этом ни на миг. У сыновей Сорхатани нет и половины его амбиций.

— Мама, ты торгуешься со змеей. Смотри, чтобы не укусила.